

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА УРАЛО-СИБИРСКИХ КРЕСТЬЯН

(XVIII - первая половина XIX вв.)

 Одним из важнейших компонентов духовной культуры крестьянства является его политическая культура, т.е. представления о реальной власти (ее организации и функционировании), о идеальном политическом устройстве, оценки и суждения по поводу важных государственных (внутри - и внешнеполитических) событий, государственных деятелей.

Показательно отношение крестьянства к высшей политической власти, которая воплощалась в XVIII-XIX вв. в государе. Крестьянское сознание констатирует реально существовавшее расстояние между мужиком и царем - "До бога высоко, до царя далеко", - так гласила народная пословица¹. Далее, фиксируется симфония божественного и царственного: "Богу воля, царю власть"². Крестьяне убеждены, что царь - их союзник, что он искренне печется о крестьянском благосостоянии, никогда не решится на акцию, идущую вразрез с крестьянскими интересами³. Народный царь - "жалостлив" (об этом говорят следующие пословицы: "Бог не без милости, а царь не без жалости", "Велик бог милостью, а государь жалостью")⁴.

По мнению крестьян, царь - фигура трагичная, поскольку он окружен "злыми боярами", которые блокируют благие царские намерения, разрушают прямые и обратные связи между государем и народом, исходят в своей деятельности из корыстных интересов (поэтому "Жалует царь, да не жалует псарь"⁵). На конфликте между государем и его ближним окружением - придворными, боярами (дворянами) - завязаны народные социально-утопические легенды о царях - "избавителях"⁶. То ли в стену, то ли в столб замуровывают дворяне "Петра Алексеевича второго императора"⁷. Много страданий от дворянства претерпевает легендарный "Петр Федорович": "Дворянство же премногощедрого отца отечества, великого государя Петра Федоровича за то, что он соизволил при вступлении своем на престол о крестьянх указать, чтоб у дворян их не было во владении⁸, на то дворянем нежели ныне, но и тогда не пользовало, а кольми паче ныне изгнали всяким несправедным наведением. И так чрез то принужденным нашолся

одиннадцать лет отец наш странствовать, а мы, бедные люди, оставались сиротами. А ныне отца нашего, хотя мы и старание прилагаем возвести, но дворянство и еще вымысел назвать так дерзко бродягою донским казаком Пугачевым, а напротив того, еще наказанным кнутом и клеймы имеющим на лбу и щеках. Но естли б, други и приятныя святые церкви чада, мы были предшадраго отца отечества, великого государя Петра Федоровича, не самоводцы, то б и мы веры не приiali..." (так описывал борьбу "Петра III" с дворянством пугачевский полковник И.Н. Грязнов в обращении к жителям Челябинска)⁹.

Зло, которое царит повсеместно, осуществляется помимо высочайшей воли. Правда, по мнению крестьян, скрывается от государя "злыми" приближенными и местной администрацией: "Не подумают, окаянные, что мир и без того стоном-стонет от них и слезы лопатами сгребает, а царь-батюшка ничего не знает. Правду говорят, что до Бога высоко, а до Царя далеко!"; "Знаем и видим мы, батюшка, как вы нас опичываете и разоряете до последней рубашки, а живете ведь тоже под царем и законом. Да знает ли только это царь-то. Так и в теперешнем деле царь обманут и законом обойден, а попы с писарями да господами хомутаются и над миром потешаются" (из обвинений представителям местной администрации и духовенства, брошенных участниками волнений 1842-1843 гг. в государственной деревне Зауралья)¹⁰. Во время этих волнений среди уральских крестьян (в частности, Покровского и Храмцовского сельских обществ) циркулировали слухи о передаче их якобы в удельное ведомство. Крестьяне, однако, были уверены, что передача осуществлена не по царской воле, и недоумевали, "как это могло случится без всякаго предварительного царского повеления"¹¹.

Крестьяне объявляли фальшивыми указы, которые санкционировали неблагоприятные для них мероприятия. На подобных указах, утверждали крестьяне, отсутствует изображение царского герба или короны, и "руки государевой на том указе нет"¹².

Из крестьянских представлений о механизмах политической власти вытекали их уверенность в собственной правоте, в следовании царской воле, в невинности перед государем. Даже в моменты достаточно острых выступлений из уст крестьян вырвались восклицания, подтверждавшие эту убежденность. "Воля государева, что хотят де, то и делают, мы де не противны", - отвечали крестьяне Усть-Ницынской слободы на увещевания управителя П.Бушинского во время волнений 1760-х годов.¹³ Крестьяне давали клятву "стоять за бога, за великого государя, друг за друга до последней капли крови", "служить Богу и великому государю, без кафтанов и жалованья"

(пора волнений 1842-1848 гг.)¹⁴. Крестьяне с. Бруснятского заявляли чиновникам: "За царя готовы головы свои положить, как за Высокого своего покровителя, а к помещикам в удел поступать не согласны"¹⁵.

Поскольку зло является частым явлением государственных отношений, постольку крестьянин недоверчиво, а часто и враждебно относится к юридической системе. Негативные характеристики законодательства, его хранителей и исполнителей запечатлены в народных пословицах и поговорках ("Где суд, там и неправда", "Шемякин суд, да на воцеленных ногах", "Закон, что дышло: куда повернешь, туда и вышло", "Законы святы, да исполнители супостаты", "Закон - дышло: куда хочешь, туда и воротишь", "Закон похож на паутину: маленькие мухи попадают, а большие пролетают", "Что нам законы, коли судьи знакомы", "Судья суди, а судьей гляди, куда дело поведешь", "Судья, что голодное брюхо, - молча просит")¹⁶. О совершенной ненужности, бесполезности "писаришек да господ" повествуется в сказке "Крестьянин и незнакомый человек", записанной А.Н.Зыряновым в Шадринском уезде¹⁷.

Правовая безнадежность порождала надежду на идеализированное вмешательство царя - эксцесс, приносящий торжество добру¹⁸. Данный эксцесс выражался в различных формах: "милостивого царского указа"; прибытия личного царского посланника - "ревизора", "чиновника особых поручений", - или непосредственного вмешательства государя.

"Милостивые царские указы" занимали особое место в крестьянской политической культуре, нередко использовались для оправдания крестьянского неповиновения¹⁹. Сплошь и рядом крестьяне заявляли о своем послушании лишь государевым указам, указам "с золотой строчкой". Летом 1762 г. дьячек А.Ключарев распространял среди крестьян Кувшинского завода слухи, "якобы есть указ, что казенные заводы будут поставлены на пять лет, а на партикулярных заводах крестьяном работать не велено, а канпанейщикам на заводах работы производит велено волными людьми". Кувшинская заводская контора сообщала в канцелярию Главного заводов правления о последствиях данного разглашения - "и услыша крестьяне такое разглашение из работ розбежались"²⁰. Крестьяне Ачитской крепости, приписанные к Уткинскому заводу, были уверены в существовании указов, согласно которым "нам на заводе работат не велено"²¹. Среди приписных крестьян Авзяно-Петровских заводов в середине 1760-х гг. циркулировали слухи, что в силу учреждения генерал-квартирмейстера князя А.А.Вяземского "положено для зарабатывания при тех заводах подушных денег быть по

тридцати по шести дней", хотя ничего подобного в действительности данное учреждение не предусматривало²². В 1782 г. в Малмыжском уезде среди крестьян распространялся слух о "милостивом указе" об "облегчении народа". Данный указ повелевал собирать "с поселян в подать государственную с каждой души по рублю пятидесяти только в год, да 15 лет рекрутских наборов не будет"²³.

Серьезным фактором в волнениях приписных крестьян Камышловского, Екатеринбургского, Шадринского, Ирбитского уездов против выхода на заводские работы в 1812 г. выступали слухи о "милостивом указе", избавлявшем якобы крестьян от заводской повинности. Так, говорили, что "прислан в Шадринске высочайший указ с золотою строкою, которым все приписные крестьяне от заводских работ освобождены, а если кто из них будет работать, те вечно останутся при заводах". Крестьяне Тамакульской волости заявляли, "что никогда вечно компанейщику работать не будут, да они о сем имеют якобы именное повеление и указ, что работать более в Верх-Исетском заводе не следует и горное правление принуждает к работе несправедливо"; что якобы заседатель "с судом компанейщиком куплен и все дела куплены".²⁴

Слухи о "милостивых" указах сыграли определенную роль в антиналоговом движении, развернувшемся в 1825-1826 гг. в Сибирском Зауралье - Туринском, Тюменском, Ялуторовском, Ишимском округах²⁵. Конфликт был вызван увеличением объема земских повинностей, осуществленным генерал-губернатором Западной Сибири Капцевичем без утверждения царя. Среди крестьян Туринского и Тюменского округов летом 1825 г. стали распространяться слухи о "милостивом" указе, "которым не велено производить сбора, не определенного в сметах"²⁶. Крестьяне при этом ссылались на указ Тобольской казенной палаты от 13 июня 1825 г., составленный на основе предписания министра финансов по департаменту государственных имуществ от 31 января 1825 г.²⁷

По поручению тобольского гражданского губернатора ревизор по поселенческой части Глотиков провел секретное расследование о распространении среди крестьян слухов и выяснил следующее. Летом - перед началом волнений - крестьянин д. Сухановой Куминовской волости Фрол Шанаурин побывал в г. Туринске и, вернувшись, передал крестьянам рассуждения туринского стряпчего, "что повинность сия де земская собираться ныне не должна, а непременно отменится"²⁸. В самой Туринской волости Глотиков узнал от крестьян, что при начале сбора повинностей писарь - туринский мещанин И. Пиленков - толковал крестьянам указ Тобольской казенной палаты от 13 июня 1825 г., в котором между прочим было сказано: "чтоб сверх назначенных по

сметам окладов на все вообще потребности, изчисленным местным начальством и высочайше утвержденных, никаких других сборов, законами не определенных, с казенных поселян взыскано не было". При этом И. Пиленков не внушил крестьянам, что означает "высочайше утвержденные сборы", чем привел крестьян к "неправильным толкам"²⁹. В то же время приезжал в Туринскую волость бывший волостной писарь Куминовской волости Ф. Я. Асанов, который читал крестьянам копию с того же указа и утверждал при этом: "Указом Высочайше не утвержденных никаких других повинностей взыскивать не велено, а что они, крестьяне, естли будут платить, то подвергнуться преданию Уголовного суда как в указе сказано"³⁰. Поскольку указа Тобольской казенной палаты последовал в волостные правления прямо, а не через земские суды, постольку крестьяне толковали: "Верно об них печется только господин министр финансов, а не генерал-губернатор. И что сия накладка (так называли земскую повинность) последовала без утверждения министра финансов от одного генерал-губернатора. И что сей указ нарочито послан прямо из палаты, чтоб не продержали его земские суды"³¹.

В соответствии с Положением 12 декабря 1840 г. об Оренбургском казачьем войске последнему была передана часть казенных земель прилинейных уездов - Челябинского, Троицкого, Оренбургского. В состав казачества были перечислены государственные крестьяне двух волостей Оренбургского и Челябинского уездов и трех волостей Троицкого уезда³². Крестьянам данное решение грозило обременительными служебными обязанностями, изменением образа жизни. В результате казенные землепашцы не поняли "благодарительной цели правительства": среди них началось брожение; подача прошений о непричислении в казаки и даже открытый протест. Расширению конфликта способствовали слухи: "что они с причислением в казаки не будут оставлены на местах настоящего своего жительства"; "что господин сенатор Пещуров и Его императорского величества флигель адъютант прибыли в Оренбург будто бы с указом объявить им, что они не поступают в казаки"³³. Наказному атаману Оренбургского казачьего войска, прибывшему в станицу Никольскую с тремя сотнями казаков и двумя орудиями конной артиллерии для подавления движения, крестьяне решительно отвечали, что всякий до последнего готов положить голову, а в казаках не будут, потому, что они указа государя императора на зачисление в казаки не читали"³⁴. В конце концов протест был подавлен силовыми методами.

В ходе мощных движений государственных крестьян против реформы П. Д. Киселева участники протеста, наряду с поисками "запродажной грамоты", разыскивали и настоящий царский

"указ", "золотую строчку", надежды на существование которой укрепляли стойкость бунтовщиков³⁵. В с. Бакланском крестьяне обращались к церковному притчу с требованиями: "Миропродавцы попы! Отдайте нам Киселевские дела и царский указ, с золотой строчкою на золотобрезной бумаге, с четырьмя гербами на углах: добром не отдаете, поневоле отдадите!"³⁶. Слухи о существовании "милостивого указа" ("подлинник, на котором золотой герб и золотые три строчки") носились среди крестьян с. Уксянского, с. Петропаловского. Крестьяне требовали у своих церковнослужителей выдачи данного "указа": "Нашего государя императора Николая Павловича книга, которая прислана во святую церковь, священнику Савве Шеину, видеть всему обществу, непременно оказать ее. Еще с книгою подлинник золотого орла, со строчками золотыми, в том, что просить все общество, и вам признаться обоим священникам Шеиным"³⁷. Волнения 1842-1843 гг. запечатлелись в народной памяти. Известный уральский фольклорист В.П. Бирюков записал в 1965 г. предание о "золотой строчке", которое повествует о бунте колчеданских мужиков. Последние, прослышав, что их хотят передать помещику, требовали от попов и писарей "золотую строчку". Интервьюер рассказывал В.П. Бирюкову о настроениях крестьян во время волнений: "Начальство хочет, а царь-де против этого. Он будто бы издал какой-то указ, написанный золотыми буквами, с золотой строчкой. Вот эту-то золотую строчку и требовали, будто ее попы да писаря спрятали от мужиков"³⁸.

Среди крестьян порой ходили слухи о "милостивом указе", который оправдывал побег, миграцию. В 1828-1829 гг. началось массовое бегство поселенцев Иркутской, Енисейской, Томской губернии в Европейскую Россию. Беглецы оправдывали свои действия слухами о том, что "якобы турок завоевал у нашего Государя много городов и их (поселенцев И.П.) требует (император - И.П.) для употребления на службу" (действующую армию - И.П.)³⁹.

В 1838 г. государственный крестьянин д. Красноярки Кондызской вол. Бугурусланского у. Я. Козьмин разглашал о "вольном переходе на жительство на новоотведенную за Орскою крепостью Оренбургскую линию". Козьмин уверял однодеревенцев, что, находясь на заработках в Илицкой защите, он слышал от казаков, что "беспрепятственно дозволяется казенным крестьянам поселение на Новую Оренбургскую линию". При сборе податей Я. Козьмин заявлял, "что он уже теперь козак". Разглашение Козьмина взволновало многих крестьян - но слух оказался ложным⁴⁰.

Порой волеизъявление государя помещалось в подложные указы и манифесты, которые также имели хождение

крестьянской среде ⁴¹.

В 1783 г., вскоре после присоединения Крыма к России, у солдата Тобольского 2-го батальона П. Нагаева был изъят фальшивый указ, "якобы с имянного Ея Императорского Величества рескрипта копия, писанная на имя Его светлости Генерал-аншефа и кавалера князя Григорья Александровича Потемкина, будто о желательном восприятии веры греческого исповедания крымскими татарами и о прочем" ⁴². В преамбуле "указа" (адреса - "Князь Григорей Александрович"; адресант - "Катерина") сообщалось о посылке в Крым "от синода разного звания чинов духовенства ко отвращению всех без остатку махOMETанского закона", а также об очередном проявлении монаршего милосердия "погрешившим против нас". О содержании "указа" повелевалось дать знать во все места, "а особливо к тобольскому и пермскому губернатору Кашкину".

Монаршии милости излагались в четырех пунктах. В первом сообщалось о "всемилодивейшем прощении" и назначении в судьи в Крымское наместничество "из штаб и обер офицеров лишенных чинов не по криминальным делам и не смертно убивствам". Во втором - о льготах для "унтер, так и всех рядовых и разного звания людей", которые пожелаю переселиться в Крым. В третьем пункте шла речь о "тунеядцах и бродягах", которые могут сыскаться у помещиков или среди государственных крестьян; таких - по желанию - также можно отправлять в Крым, снабжая льготными денежными суммами. 4-й пункт "указа" распространял силу своего действия на представителей купечества, цеховых и мещан. Документ был датирован 5 июля 1783 г. ⁴³.

"Указ" имел хождение среди тобольских солдат, канцеляристов, крестьян. В его распространении, кроме П. Нагаева, участвовали: солдаты С. Хлюпин, И. Невзоров, А. Сухомлинов, сержант К. Никифоров, мелкие канцелярские служащие В. Кошкаров, А. Попов, Булатов, А. Богомолов.

Автором "указа", очевидно, являлся солдат Тобольского 1-го батальона С. Хлюпин. На допросе Хлюпин описал "обнаружение" фальшивого указа следующим образом. Оказывается, во время несения караульной службы С. Хлюпин пошел обедать и по пути поднял с земли свернутую бумагу, положил ее в карман. На квартире разглядел ее - оказалась "копия с указа". А поскольку поднятая копия находилась в очень плохом состоянии - "вся измята и протерта, притом же и помарана", - постольку он ее, списав, "изодрал". После этого хлюпинский список (или списки с него) начал путешествовать по рукам любознательных тоболяков ⁴⁴.

Факты биографии С. Хлюпина - в пользу его авторства. Он был выходцем из дворян, "артиллерии пример-майорским

сыном". В 1782 г., "по лишении чинов за написание и дачу ясашному татарину для проезда и житья в деревню фальшивого билета", С.Хлюпин был определен рядовым в Тобольский батальон. Таким образом, С.Хлюпин был грамотен, дворянски образован, одновременно неудовлетворен жизнью, служебным положением, склонен к противозаконным поступкам. "Указ" он мог сочинить и в корыстных целях (ознакомление желающих за плату). Но та любознательность, которую проявили во всей этой ситуации более простые коллеги Хлюпина, достаточно ярко характеризует и уровень их политико-правовой культуры, их социально-утопические представления.

На 1780-е годы падает деятельность разгласителя самозванцев П.Е.Хрипунова, уверявшего алтайских, прииртышских, приобских крестьян в том, что Петр III жив, находится с огромным войском на юге Западной Сибири и готовится к борьбе за свои природные права на российский престол⁴⁵. В обширном материале, отложившемся по делу Хрипунова, фигурирует и подложный указ - список якобы говоренной Его императорским высочеством при входе его в первое правительствующего сената присудствие речи. "Говоренную речь" подарил П.Е.Хрипунову в 1783 г. крестьянин с. Ирменского О.Пургин, у которого самозванец останавливался.

Во вступительной части "речи" "Павел Петрович" возносил хвалу всевышнему, который никогда не оставляет своим вниманием Россию и ее народ. Далее "цесаревич" благодарил "всемиловитейшую государыню и любезную мать", которая потратила немало усилий на его воспитание" ко вселению в сердце моем истинны правосудия и тцания к правлению и к проницанию всех дел во внутренност нашего государства".

Затем следовала серия обличений царящего в реальности не порядка, неправосудия, правителей: "уже мне известно, что правители великости дел никак не стараются к правосудию, и мало помнят долг своего звания, нарушили клятвенное обещание". "Павел Петрович" обрушивал свой гнев даже на сенат и сенаторов: "но не в том ли вы увеличены, не за то отменно награждены бывааете против председających людей, чтоб отвращать всеми силами беды: страждущих невинных от неистоства, злобы; Вы должны наблюдат отменное правосудие, будучи но и всегда при нашей самоличной особе, но самым тем нерачением и пренебрежением малейшею частию законных прав подвергаете себя праведному суду божию, с коим общественно и нашему гражданскому". "Великий князь" - в просветительском духе - взывал к постоянно нарушаемому "ненесытной завистью" равенству всех членов общества: "не всякой ли человек член составляет общества, не все ли мы быть должны разными".

В мечтаниях об исправлении существующего не порядка и о наказании "злоухищренных и ненасытных и кровожаждущих людей" "Павел Петрович" апеллировал к богу: "О, великий боже, исправь их пороки, внуши добродетель и истинну, да со успехом подвиги к спокойствию и тишине нашей империи". Завершилась "речь" на более практической и грозной ноте: "Но если не войдут в разсуждение и не исправится от нас верные правители, пролей ты свой гнев, да возьмем и мы со оным меч"⁴⁶.

По справке в Тайной экспедиции оказалось, что "речь" была сочинена отставным поручиком Мневским, который был осужден за это в 1778 г. в Москве⁴⁷.

Совершенно не случаен интерес П.Хрипунова и О.Пургина к "речи говоренной", сочиненной представителем высшего сословия. Во-первых, она отлично интерпретировалась в духе традиционного монархизма, в двух-трех столетий вдохновлявшего разнообразных российских самозванцев. "Павел Петрович" противопоставлялся в "речи" государственным инстанциям, даже самой высшей - сенату. Это вполне соответствовало бытующему в народных массах представлению о справедливых царях, непосредственному и положительному общению с которыми мешают сонмища испорченных "бояр" и коррумпированный аппарат управления. Во-вторых, самостоятельно важно выведение в качестве фрондирующего и обличающего лица "Павла Петровича". Хорошо известно, что в народной утопической легенде образы "Петра III" и "Павла Петровича" неразрывно связаны. Сын - продолжатель дела отца. "Петр III" - Е.И.Пугачев нарочито подчеркивал обоюдные симпатии и поддержку его - "Петра Федоровича" - сыном - "Павлом Петровичем"⁴⁸.

П.Хрипунов задумал выступить преемником Е.Пугачева - "Петра III". Естественно, что вопрос о союзниках (пускай декларируемых) в будущей борьбе, о политической и нравственной поддержке был стратегически важен для самозванца. Поэтому обличительная патетика выступления "Павла Петровича" должна импонировать ему и обещала многое на будущее.

В 1839 г. поселенцев в Томске взбудоражило появление двух подложных манифестов "о всепрощении и дозволении поселенцам возвратиться на родину"⁴⁹. Сохранились тексты "пасквилей". Первый был исполнен на бланке Томского губернского правления: "Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Правительствующего Сената Енисейскому губерньскому правлению. По указу Его Императорского Величества в Правительствующем Сенате слушали доклад г.Министра Внутренних дел о поселенцах, возвращаемых из Сибири в Россию по случаю прибытия Его

Императорского Высочества наследника Всероссийского престола в Тобольск, объявленного манифеста. Но люди сии по расчислению обращаются очень в малом количестве, что самое заставляющее недейтельность Сибирского начальства о возвращении сих поселенцев, подлежащих силе манифеста, в места их родины. Комитет гг. министров по выслушании доклада г. министра внутренних дел поднес на Высочайшее рассмотрение вследствие чего Государь Император Высочайше повелеть соизволил в 15-е мая сего года всех несчастных, сосланных в Сибирь на поселение с царствования его, возвратить в пределы России, исключая ссыльнокааторжных. Которые по прибытии в отчизну могут быть приняты в крестьянский оклад. Почему в довершение монаршей милости нашей повелеваем учинить распоряжение. По выслушании сего в правительствующем Сенате приказали: О таковой воли Его Императорского Величества дать знать указами всем присутственным местам и лицам и поселенцам предоставить право о возвращении их на родину просит Правительствующий Сенат по I-му Департаменту. Подлинное подписали: министр внутренних дел Блудов. Скрепил статский секретарь Менчин. Справил stolоначальник Коновалевский. Мая 20 дня. Санктпетербург" ⁵⁰.

Второй "пасквиль" был оформлен, как пояснение к первому. "I-е, Все таковые случаи, кои подлежат силе указа о поселенцах, должны быть приняты в уважение с тем. 2-е, Поселенцы, прибывшие в Сибирь с 1825 года, хотя бы они были и наказаны в России за преступление; но вина их заглаживает монаршек милостию. 3-е, Те, которые, будучи в Сибири с начала царствования Николая I, имеют полное право возвратиться в пределы России, если они были в Сибири не более трех раз под судом и в штрафах; а бывши более - возвратиться не могут. 4-е, Те же из них поселенцы, кои прибывши в Сибирь в царствование Александра I, не могут быть возвращены в Россию. Но не лишая их монаршей милости, могут просить Правительствующий Сенат по 6 Департаменту. 5-е, Исключив тех, кои не пожелают возвратиться в пределы России, так как уже обзавелись в Сибири домоводством, будучи женаты на сибирячках, имеют жену и детей, таковыя остаются свободными с объяснением от них, что они не желают быть в родине. 6-е, Несмотря на то, каких-либо то ни было вероисповеданий, поселенцы, находящиеся в Сибири, могут приносить просьбы в Правительствующий Сенат по 6 Департаменту, который, получив оныя, передает 1-му Департаменту о возвращении их в пределы России, полагая срок к принятию просьб до 1-го января 1840 года" ⁵¹. Как можно заметить, эти подложные манифесты исполнены со знанием дела, особенностей казенного канцелярита. При этом мысль в них выражена довольно просто и ясно.

К явлениям крестьянской политической культуры необходимо отнести и реакции на наиболее важные события внутренней и внешней политики России: опричный террор Ивана IV, "смутное" время, присоединение Сибири Ермаком, крымские походы В.В.Голицына, азовские походы Петра I, Северную войну и Прутский поход 1711 г., русско-турецкие войны XVIII-XIX вв., Семилетнюю войну, Отечественную войну 1812 г., восстание семеновского полка 1820 г., смерть Александра I, восстание декабристов, подавление венгерской революции 1849 г., Крымскую войну 1853-1856 гг. и др.⁵². Внимание народа привлекали образы исторических деятелей различного масштаба: Ивана Грозного, князя М.В.Скопина-Шуйского, князя В.В.Голицына, Петра I, Б.П.Шереметьева, графа З.Г.Чернышева, А.А.Аракчеева, генерал-губернатора Западной Сибири П.М.Капцевича⁵³. Песни и предания народа "служили и формой реакции на недавно произошедшие события, и способом сохранения памяти о давних эпохах. Нередко при этом назывались места сражений с достаточно четкой географической локализацией, точные имена полководцев, стратегические ситуации и взаимоотношения реальных исторических лиц"⁵⁴.

Политическая культура являлась довольно диверсифицированной сферой в духовной жизни крестьянства. Она включала обширные познания, зафиксированные в диапазоне от будничных высказываний, оценок по поводу властных органов и их функционирования до сказочно-преображенных представлений о царе, его окружении, прочих инстанциях государственного аппарата, от реалистических до совершенно утопических суждений по рассмотренным вопросам. Структура политической культуры характеризовалась сложностью: в ее поле располагались представления об организации управления, о политических механизмах, о лицах, облеченных властью, и о политических событиях, и о путях совершенствования реальной политической структуры до крестьянского оптимума.

Примечания

¹ **Зырянов А.Н.** Крестьянское движение в Шадринском уезде Пермской губернии в 1843 году // Древняя и новая Россия. - 1879. - Т.15. - С.121; **Миненко Н.А.** История культуры русского крестьянства Сибири в период феодализма. - Новосибирск, 1986. - С.60; Сборники пословиц и поговорок, записанных в Камышловском уезде В.Г.Олесовым. - Екатеринбург, 1884. - С.192.

² **Миненко Н.А.** История культуры....

³ Урал в его живом слове. Дореволюционный фольклор. - Свердловск, 1953. - С.262; Дореволюционный фольклор на Урале. - Свердловск, 1936. - С.182; Сборник пословиц и поговорок...-С.192, 193.

⁴ Сборник пословиц и поговорок...-С.192, 193.

⁵ Дореволюционный фольклор...-С.10; Pipes, Russia under the Old Regime.- London, 1974.-P.152-155; Bartlett R. The Russian peasantry on the eve of the French Revolution //History of Europe Ideas, 1990.-Vol.12.-N3.-P.404

⁶ **Чистов К.В.** Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. - М., 1967.

⁷ **Покровский Н.Н.** Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII - середины XIX в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. - Новосибирск, 1982. - С.48-97.

⁸ После появления манифеста Петра III о дворянской "вольности" среди крестьянства распространились слухи о скором освобождении их от крепостного гнета. См.: **Семеновский В.И.** Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. - СПб., 1903. - И.1. - С.440; Bartlett R. The Russian peasantry... P.407.

⁹ Документы ставки Е.И.Пугачева, повстанческих властей и учреждений. - 19773-1774 гг. - М., 1975. - С.271.

¹⁰ **Зырянова А.Н.** Крестьянское движение...- С.243, 291, 299; Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг. Сб. док. - М., 1961. - С.482, 487; **Колюпанов Н.** Камышловское дело // вестник Европы. - 1870. - Октябрь. - С.608.

¹¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО), ф. 477, оп. I, д.2, л.158 об.

¹² См.: Крестьянское движение в России...- С.260.

¹³ Тобольский филиал госархива Тюменской области (ТФ ГАТО), ф. 156, 1762., д.189, л.39-39 об., 42-42 об.; д.177, л.1-1 об.

¹⁴ **Зырянов А.Н.** Крестьянское движение...- С.26; **Середа Н.А.** Позднейшие волнения в Оренбургском крае //Вестник Европы. - 1868. - Апрель. - С.604; **Дружинин Н.М.** Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. - М.-Л., 1958. - Т.2.- С.485.

¹⁵ См.:ГАСО. Ф.477, оп. 1, д.2, л.14 об. - 15 об, 37-40, 68-69.

¹⁶ **Миненко Н.А.** Фольклор и этические традиции русских крестьян Сибири (по материалам XVIII в. - 60-х гг. XIX в.) //Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. - Новосибирск, 1987. - С.63; Дореволюционный фольклор...-С.11, 19; Сборник пословиц и поговорок...-С.193, 214.

¹⁷ См.: Пермский сборник. - М.,1859. - Кн.1. - С.122-123; **Миненко Н.А.** История культуры...- С.62-63.

¹⁸ **Лотман Ю.М., Успенский Б.А.** К семиотической типологии русской культуры XVIII в //Материалы научной конференции (1973). Художественная культура XVIII в. - М., 1974. - С.271.

- ¹⁹ См.: **Побережников И.В.** Массовые выступления крестьян Западной Сибири в XVIII веке. - Новосибирск, 1989. - С.103-115; Он же. Общественно-политические взгляды русских крестьян Сибири в период позднего феодализма. Новосибирск, 1989; Bartlett R. The Russian peasantry...-Р.404.
- ²⁰ ГАСО. Ф.24, оп.1, д.1680, л.66-66 об.
- ²¹ Там же. Л.18 об.
- ²² Там же. Д. 1804, л.107, 119 об., 218 об. - 219, 258, 386 об., 387 об.
- ²³ **Гришкина М.В.** Крестьянство Удмуртии в XVIII в. - Ижевск, 1977. - С.178.
- ²⁴ Рабочее движение в России первой половины XIX в. - М., 1955. - Т.1, ч. 1. - С.330-331, 343.
- ²⁵ См.: История Сибири. - Л., 1968. - Т.2. - С.435-437; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. - Новосибирск, 1982. - С.345-346; **Мамсик Т.С.** Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX века. - Новосибирск, 1987. - С.140-148; Государственный архив Омской области (ГАОМО). Ф.3, оп.1, д.527, л. 1-96.
- ²⁶ Там же. Л.19 об.
- ²⁷ Там же. Л.11 об. -12, 19 об., 54-54 об., 63-64.
- ²⁸ Там же. Л.36-36 об.
- ²⁹ Там же. Л. 39-39 об.
- ³⁰ Там же. Л. 39 об. - 40.
- ³¹ Там же. Л. 40. об. - 41.
- ³² **Стариков Ф.М.** Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. - Оренбург, 1891. - С.107-109.
- ³³ Госархив Оренбургской области (ГАОО). Ф.6, оп.11, д.748, л.1-1 об., 95.
- ³⁴ Там же. Л.93-93 об.
- ³⁵ **Колюпанов Н.** Камышлиновское дело... - С.604; **Середа Н.А.** Позднейшие волнения...- С.599; **Валевский М.С.** Волнения крестьян в Зауральской части Пермского края в 1842-1843 гг. Записки очевидца //Русская старина. - 1879. - Декабрь. - С.631, 633, 645; Дореволюционный фольклор...- С.181-184; Урал в его живом слове...- С.261-262.
- ³⁶ **Дружинин Н.М.** Государственные крестьяне...- С.485; **Зырянов А.Н.** Крестьянское движение...- С.276.
- ³⁷ **Зырянов А.Н.** Крестьянское движение...- С.292, 294, 296.
- ³⁸ ГАСО. Ф. р-2266, оп.1, д.126, л.30.
- ³⁹ ГАМО. Ф.3, оп.13, д.17862, л.1-32 об.
- ⁴⁰ ГАОО. Ф.6, оп. 5, д.11389, л.1-4 об.
- ⁴¹ **Сивков К.В.** Подпольная политическая литература в России в последней трети XVIII в. //Исторические зап. - 1946. - Т.19. - С.63-101;
- Побережников И.В.** Подложные указы и манифесты крестьян Западной Сибири второй половины XVII - первой половины XIX вв (публицистика крестьянского протеста) //Русская книга в дореволюционной Сибири. Распространение и бытование. - Новосибирск, 1986. - С.115-131.
- ⁴² См.: **Покровский Н.Н.** Обзор сведений...- С.76; **Сивков К.В.** Подпольная политическая литература...- С.80.
- ⁴³ РГАДА. Ф.7, оп.2, д.2623, л.3-4.
- ⁴⁴ Там же. Л.5-9.
- ⁴⁵ Там же. Д.2699, л.1-132.
- ⁴⁶ Там же. Л.74 об.
- ⁴⁷ **Покровский Н.Н.** Обзор сведений...- С.71.
- ⁴⁸ ГАОМО. Ф.3, оп.13, д.18073, л.1-9 об.
- ⁴⁹ Там же. Л.6-6 об.

⁵¹ Там же. Л. 7-7 об.

⁵² Былины и песни Алтая. - Барнаул, 1988. - С.141-178; Исторические песни XVIII века. - Л., 1971. - С.20-21, 35, 50, 104, 137, 196-197, 238, 254, 256-257, 268-269; Исторические песни XIX века. - Л., 1973. - С.48-49, 51, 52, 53, 91-92, 121, 134-135, 145-146, 158-160, 170-171, 205-206; Уральский фольклор. - Свердловск, 1949. - С.161-162; Предания и легенды Урала. - Свердловск, 1991. - С.17, 19-27; **Миненко Н.А.** Культура русских крестьян Зауралья. XVIII - первая половина XIX в. - М., - С.19-104.

⁵³ Там же.

⁵⁴ **Громыко М.М.** Культура русского крестьянства XVIII-XIX веков как предмет исторического исследования //История СССР. - 1987.- N 3. - С.49.